

Певец спел высоко о низменном

Родион Погосов исполнил
«Фривольные мадригалы» Франсиса Пуленка

КОММЕРСАНТ. - 2005. - 29 ЯНВАРЯ. - С. 9

концерт вокал

В Доме музыки выступил молодой баритон Родион Погосов. ВАРВАРА ТУРОВА нашла, что у Дмитрия Хворостовского подрастает конкурент.

Родиону Погосову 26 лет. Это не было бы так принципиально, если бы он был скрипачом или пианистом. Но мужской голос — совсем другая история. В этом возрасте нормально только начинать обучение, а вовсе не заключать контракты с нью-йоркской Metropolitan opera. У него, кстати, все началось рано — первый удачный конкурс на третьем курсе училища. Первый международный конкурс — в 19 лет, причем сразу третья премия. Приглашение прослушаться в Met — в 20. Дальше все легко и приятно — в 2003-м в Metropolitan заключили с Родионом Погосовым контракт. Чтобы сразу разобраться с профессиональным делом, скажу: недостатки в голосе певца есть. Небольшой, хоть и уверенный голос певца куда лучше справляется с теми кульминациями, что приходится на почти теноровые высоты. В то время, как басы частенько ощутимо качаются, и берутся будто на пределе возможностей. А больше в этом случае придраться абсолютно не к чему.

Выпускник не оперного, а факультета «Актер музыкального театра», господин Погосов существенно отличается от многих оперных звезд артистизмом, живостью и обаянием, способными заметно сгладить высокопарность и надуманность самого оперного жанра. Он, к примеру, считает беду многих великих вокалистов — лишний вес — на сцене неприемлемым, в связи с чем занимается ни много ни мало восточными единоборствами. Он молод, хорош собой, бодр, весел и при этом отнюдь не пуст. Прогнозы — неблагоприятное дело, но в данном случае от них трудно удержаться: если так будет продолжаться, другому баритону, кумиру публики Дмитрию Хворостовскому на сцене станет тесно.

Для концерта в Доме музыки Родион Погосов подобрал программу, способную наилучшим образом продемонстрировать и голос, и актерство. Пожалуй, чуть сложнее пришлось баритону в шумановском цикле «Любовь поэта», который из-за его популярности трудно исполнить как-либо необычно. Потому в сентиментальных пьесах, к примеру, «Я не сержусь» или «Во сне я горько плакал» певец ограничился хорошим густым тембром и отменным качеством. Зато во «Фривольных мадригалах» Франсиса

Пуленка восходящая звезда, что называется, оторвалась по полной программе. Цикл песен на весьма легкомысленные слова средневековых поэтов Родион Погосов исполнил с идеальным чувством юмора и, что гораздо важнее, меры. Веселиться на сцене самому просто, а вот делать это так, чтобы и в зале хохотали, куда сложнее. При этом артистизм певца заключается в минимальных действиях — он не мечется по сцене, не заламывает постоянно руки и вообще мало двигается. Его актерство в двух-трех взглядах, интонациях и улыбке. Так, «Мадригал» («Ведь девушка без груди — все равно что куропатка без апельсина») господин Погосов исполнил с подходящим по случаю, откровенно издевательским выражением лица. А «Мольбу к судьбе» («Я клянусь, что пока я живу, я буду любить вас, Сильви!») с некоторой заторможенностью, остановившимся взглядом и свойственной тексту заикливостью. В пьесе «Подношение» (откровенность текста не позволяет цитировать его на страницах газеты) высоковатые для баритона ноты, изображающие просьбы молодой девушки, Родион Погосов спел исключительно нежно, тоненько и трепетно. Да еще и глядел в зал таким невинным взглядом, так трогательно протягивал руки, что казалось, поет в церковном хоре, а не забавляет публику порнографическими куплетами француза-эксцентрика Пуленка.

На бисах неожиданно выяснилось, что лавры господина Хворостовского так не дают покоя его молодому коллеге. Два биса и репертуарно («Неаполитанская песня» и знаменитый хит «Be my love»), и на практике (с резкими завершениями пьес, сверканием глаз и широкой улыбкой) откровенно рифмовались с фирменными блюдами Дмитрия Хворостовского.

«Нас прослушивали четверо суток»

Певец РОДИОН ПОГОСОВ рассказал СЕРГЕЮ ХОДНЕВУ, как становятся солистами Metropolitan Opera.

— Как вы попали в Metropolitan Opera?

— Во многом, я думаю, повезло. В Москву на мастер-классы Школы вокального мастерства приехала Ленор Розенберг, администратор Metropolitan по кастингу, — познакомиться. Все-таки, если не брать совсем уж звезд, основной уровень наших певцов на Западе никто не знает. И я вошел в число тех, кого она заметила и пригласила для прослушивания в Нью-Йорк. Там уж нас прослушивали четверо суток все — от простых вокальных тренеров до генерального менеджера и самого Джеймса Ливайна. По итогам меня взяли в так называемую молодежную программу. По ней я и стажировался три года. Хотя партии давали тогда второстепенные, но все-таки приходилось работать на сцене Met рядом с настоящими звездами. И кроме того, у меня уже были в то время и сольные концерты в «Карнеги-холле».

— Чем вас заинтересовал малоизвестный пессенный цикл Пуленка «Chansons gaillardes»?

— Этот цикл я выучил тоже в Metropolitan. Там помимо прочего нужно было сдавать в качестве экзамена recital, то есть программу сольного концерта. И одна из преподавателей, педагог по актерскому мастерству, посоветовала мне обязательно взять «Chansons de gaillardes». Мне неожиданно понравились эти песни — это хоть и небольшой, но очень интересно устроенный цикл, к тому же меня впечатляло сочетание музыки Пуленка и старинных поэтических текстов, которые говорят о любви совершенно по-другому, чем тексты тех же песен Шумана, скажем. Хотя вокально это произведение, не буду скрывать, довольно тяжелое: очень

большой диапазон, множество нюансов, смена регистров.

— В этот приезд у вас после Москвы концерты в Самаре и Ярославле, потом снова выступление в Москве с «Виртуозами Праги», и все это за неделю. Понятно, что дирекции концертных программ важно было привлечь вас для программы «Новые музыкальные звезды». Но в ваши личные планы входит параллельная работа над карьерой и здесь, в России?

— Ну да, безусловно, я этому придаю большое значение. Даже московской публике сейчас не хватает новых имен, новых артистов. И мне кажется (я не говорю лично о себе), что сейчас артисты молодого поколения, певцы в частности, получившие хорошую школу и востребованные на Западе, должны тем не менее уделять внимание выступлениям здесь, на родине. Правда, сейчас мне, к сожалению, не удастся соглашаться на все здешние предложения, даже на те, которые для меня особенно важны. Например, меня приглашали в «Новую оперу» петь Папагено. А я в 19 лет там же, в «Новой опере», пел Папагено в концертном исполнении «Волшебной флейты». А прошедшей осенью в этой же самой роли выступал в Met на премьере, это была моя первая тамошняя работа как солиста. Так что я рад бы этот цикл снова завершить «Новой оперой», но по срокам не получается: я уже связан контрактами.

— В Metropolitan вы будете петь что-нибудь кроме Папагено?

— Конечно. Арлекин в «Ариадне на Наксосе», Малатеста в «Доне Паскуале». Пока все расписано до 2007-го. В другие театры тоже приглашают. Не обо всем я сейчас пока что могу говорить, но могу отметить, например, контракты с Глайндборнским фестивалем — на партию Гульельмо в «Cosi fan tutte» и на Онегина.

116